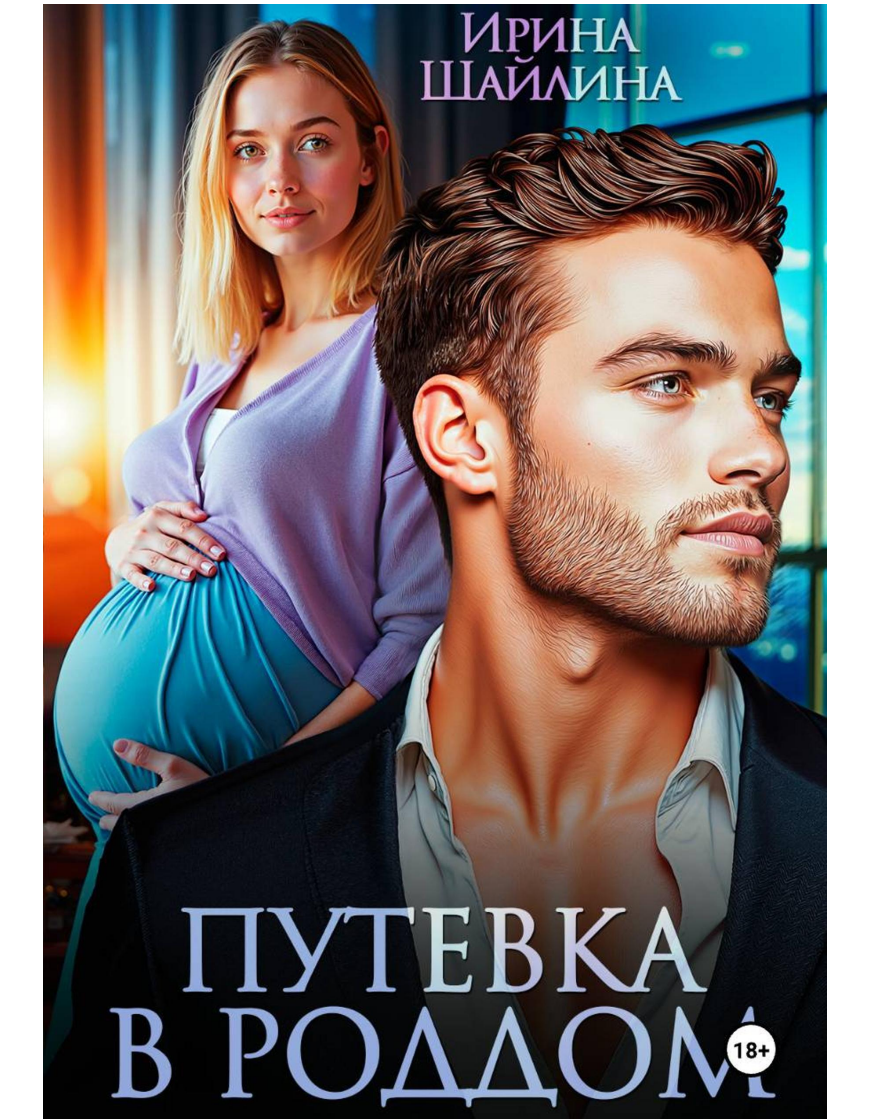

A movie poster featuring a pregnant woman with blonde hair, wearing a purple cardigan over a blue dress, standing behind a man with brown hair and a beard, wearing a dark suit jacket over a light shirt. The background is a warm, golden light on the left and a blue, out-of-focus cityscape on the right.

ИРИНА
ШАЙЛИНА

ПУТЕВКА
В РОДДОМ

18+

Ирина Шайлина

Путевка в роддом

<https://litres.ru/74227778>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Идеалистка старородящая, — сказал тот, от которого я хотела ребенка.

Я мечтала о семье и детях, а вместо этого он перевесил на меня свои проблемы.

Мамой мне не стать, смирилась я, с горя завалилась на чужую вечеринку, напилась и впервые в жизни провела ночь с незнакомым мужчиной.

Теперь я беременна и все, что знаю о папочке — в каком доме он живёт. Ни имени, ни фамилии, ни даже номера квартиры моя пьяная голова в себе не удержала.

— В этом доме живёт отец моего ребёнка, — в отчаянии говорю я в камеру охраняемой высотки.

— Ага, как же, вас таких тут каждый день пачка, — развеселился охранник.

За забор меня не пустили. Перспектива стать не только старородящей, но и нищей (спасибо бывшему) отчётливо забрезжила на горизонте. Но... Все это было бы слишком просто.

Встрече с будущим папой быть!

Содержание

Глава 1. Вера	4
Глава 2. Павел	11
Глава 3. Вера	16
Глава 4. Павел	24
Глава 5. Вера	31
Глава 6. Павел	37
Глава 7. Вера	42
Глава 8. Павел	47
Глава 9. Вера	52
Глава 10. Вера	59
Глава 11. Вера	64
Глава 12. Павел	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Путевка в роддом

Глава 1. Вера

Я любила детей. Честно любила. Многочисленных племянников, родных, двоюродных, и тех что вовсе седьмая вода на киселе, и детей друзей. Особенно в последние годы, почти попрощавшись с мечтой стать матерью. На праздниках выхватывала их, запыхавшихся, чуть вспотевших от бурных игр, сажала на колени и, как и следует доброй бездетной тетушке, щедро одаривала гостинцами, втихаря от родителей пихала в кармашки сложенные купюры.

Любила, да. Но вот конкретно этих двух детей полюбить так и не смогла, хотя очень пыталась. Я только вошла в квартиру и услышала горький и надсадный Васькин вопль. Я чертыхнулась про себя — и как могла забыть, что сейчас вечер пятницы? Сбросила ботинки и бросилась на помощь Ваське. Васька это мой кот, года три назад подобранный на помойке, изрядно растолстевший и обнаглевший даже. Но — не сейчас.

Я влетела в комнату и увидела Лизку лежащей на животе перед диваном. Лизке семь лет, девочка она не в меру активная и очень хорошенькая, со светлыми, в рыжину косичками, и с хитрецей во взгляде. Одним словом — лиса.

— Не мучай Васю, — попросила я.

— Я и не мучаю, — фыркнула Лиза.

Вытащила руку из под дивана. К ладони налип серый Васькин пух — явно тащила его за хвост. Я вздохнула, не зная, что сказать, ведь воспитывать мне Лизу не разрешалось, для этого у нее мать имелаась. Мать привозила их в мою квартиру в пятницу после обеда, в понедельник их от меня увозили по школам. С пятницы до понедельника мы с Васей выживали.

— Ты делаешь ему больно, — мягко сказала я. — Ему неприятно, когда его носят на руках и тем более тянут за хвост. Тебе бы понравилось, если бы тебя за косички тянули?

Лиза снова фыркнула и тряхнула головой, косички задорно подпрыгнули. В глазах — негодование. На шум вялого конфликта подтянулся Костик — старший брат Лизы, ему девять. Встал в дверях, не отрывая взгляда от экрана телефона.

— Вера обижает тебя? — спросил он у сестры.

— Да! — запальчиво крикнула она.

И посмотрела на меня уже с превосходством — вот же зададут тебе сейчас, говорил ее взгляд.

— Я расскажу маме, — заявил Костя. — Ну и папе тоже, конечно же.

Дети ушли в другую комнату. Я села на диван, похлопав по нему ладонью, приглашая Ваську. Тот призыву внял, из под дивана выбрался, сел рядом со мной молча, не мурлыча. Так мы и сидели с ним рядом, думая каждый о своем.

Лиза и Костя появились в моей жизни год назад. Я тогда уже и не думала о семье. А потом встретила Лёшу. Чуть старше меня высокий, рыжий, смешной, чуть сутулящийся, переживший развод — мечта старой девы. На самом же деле, без шуток, мне было хорошо с ним. Рядом с ним воскресли вдруг мечты и счастье забрезжило на горизонте. Обычное такое, житейское счастье, с шумными вечерами, детским смехом, мокрыми варежками на батареях и блинами по утрам.

— Я вовлеченный отец, понимаешь? — спросил у меня Леша, когда наши отношения уже можно было считать серьёзными. — Я люблю своих детей. Да, я развёлся с их матерью, но бывших детей не бывает. Я часто провожу с ними время, помогаю финансово.

Я слушала и млела — идеальный мужчина! Я ни за что не смогла бы полюбить того, кто бросил своих детей.

— Мне не терпится с ними познакомиться, — улыбнулась тогда я. — Уверена, мы подружмся.

С тех пор прошел год. Леша переехал ко мне, ведь свою квартиру он оставил жене, и я прекрасно его понимала — там дети. А мне от бабушки прекрасная двушка досталась с большой кухней, в которой жили только я да Васька. И жить бы счастливо да жизни радоваться, но... вскоре у Киры, той самой бывшей оказались ключи от нашей квартиры — на всякий случай. Детей она сегодня завезла сама, даже не дожидаясь, когда мы с работы вернемся. И вот как испытывать счастье, когда мы с Васькой прячемся в своей же квартире?

— Ты держись, — подбодрила я Ваську. — Понедельник уже скоро. Хочешь, в следующие выходные я тебя маме отвезу?

Васька отвернулся — для него я предательница. Я только сейчас поняла, что до сих пор в пуховике и сняв его понуро поплелась на кухню.

— Кушать будете? — крикнула я.

Дети валялись на моей кровати в спальне. Подушки скинуты на пол, все перевернуто. Лежат, раскинувшись — в телефоны играют.

— У тебя нет ничего вкусного, — ответил Костя. — Как всегда.

— Может вы переберетесь в гостиную? — робко спросила я. — Вы мне всю спальню перевернули.

— Ты нам не мама, — не отрываясь от телефона сообщила мне Лиза.

Я открыла холодильник. В нем — такой же бардак, как и в спальне. Кусок дорогого сыра надкусан. На полках пустые упаковки. Одна из них показалась мне слишком знакомой, я вздохнув открыла отдел для овощей — там я для себя спрятала упаковку тирамису. Нашли, съели. Конечно, теперь они ничего не хотят. Входная дверь открылась.

— Папа дома! — крикнул Леша.

Дети бросились в прихожую и с визгом повисли на отце. Лиза сразу жарко зашептала что-то на ухо — на меня жалуются. Ко мне Леша пришел через полчаса только, чмокнул в

макушку и сел за уже накрытый стол.

— Опять воюете? — спросил он, беря вилку.

Я села напротив. И вдруг так заплакать захотелось — словами не передать. Только рыдать из-за того, что тебя обижают двое детей глупо.

— Нет, — спокойно ответила я. — Мне же нельзя их воспитывать.

— Правильно, — кивнул Леша. — На это у них родители есть.

И принялся уплетать пюрешку, котлеты, наскоро нарезанный салат. А я думала о том, что какое-то неправильное у меня счастье получилось. Бракованное.

— Леш, — тихо продолжила я, чтобы дети в комнате не слышали. — Ты мне семью обещал. Детей. Помнишь? Когда ко мне переезжал.

Леша удивился, но не настолько, чтобы жевать перестать.

— А это что? — спросил он. — У нас семья. Образцовая. Мы едим после работы, дети играют. Все, как положено.

— Это не мои дети, — возразила я. — Мне их даже воспитывать нельзя. Они меня за человека не считают. Так, обслуга.

— А ты чего хочешь?

Он посмотрел на меня так строго, что мне даже стыдно стало за такие вот свои желания и что опять на детей жалуюсь.

— Своего... одного хотя бы.

Леша нахмурил брови.

— Да ты с этими справиться не можешь, уже готовыми! Вечно жалуешься то бардак, то съели что нельзя... как пирожное может жалко быть!

Я вспыхнула.

— Это было мое пирожное! Я имею на него право! И вообще со своим я в такой ситуации бы справилась!

— И чтобы ты сделала?

Я любила детей. Честно любила. Но когда уставшая приходишь с работы, а у тебя вся квартира перевернута, кот запуган, а в холодильнике надкусано все самое вкусное...

— Ремня бы дала, — честно сказала я. — Сегодня я бы обоим твоим задала ремня.

Леша удручённо покачал головой.

— И не стыдно тебе? Это же дети, цветы жизни. Правильно Кира говорит, нельзя тебе воспитание детей доверять.

— А кормежку, уход за ними все выходные, пока она отдыхает можно?

Леша зло встал, отбросил вилку и она жалобно брякнула о фарфор.

— Уймись, — строго бросил он. — Мне стыдно за тебя! С этими сначала справься! И вообще, как может быть мало двух детей, не говоря уже о том, что поздно тебе рожать.

— Что?

Я потратила на этого человека почти два года своей жизни, из которых мы год жили вместе. Он буквально обещал

мне ребёнка. А теперь...

— Что? — переспросил он недовольно. — Прямым текстом сказал! Тридцать семь тебе, куда детей ещё? Идеалистка старородящая!

И ушёл из кухни не доев. Под стол шмыгнул Васька — видимо любящий отец выгнал детей из спальни, чтобы не мешали. Лиза с Костей подрались, Лиза громко верещала, разбираться предстояло мне — Леша уже надел наушники и уселся за комп проваливаясь в мир стрелялок, ведь это куда интереснее, чем разнимать подравшихся детей.

Глава 2. Павел

Женились все. Кто-то женился в первый раз. Большая же часть моих знакомых разводилась со старыми жёнами, с которыми пуд соли съели, и женились на новых. Я же никак, все эта участь меня как-то обходила. Не сказать, что я этого боялся или специально избегал, просто не находился нужный человек, и все свои силы я пускал в работу. Потом оказалось, что денег уже много, все вокруг женатые, а многие по второму кругу, а я такой вот, холостяк закоренелый.

— Жениться бы тебе, — сказал мой друг Серега. — Наследников наделать и все такое.

Детей я хотел. Наверное. Скорее, теоретически хотел, а на практике черт его знает. Что-то незнакомое такое, эфемерное, как из фантастики.

— На ком? — с сомнением протянул я. — Это же надо знакомиться, понимать насколько тебе человек интересен.

— Пфффф, — чего там понимать надо. — Брать кобылку помоложе и все. Вон Катька моя среди подружек присмотрит.

И огладил свою молодую кобылку по крупу, то есть Катьку, по энному месту. Катька рьяно взялась за дело, отбиться от нее и самого Серёги было невозможно и так в моей жизни появилась Полина. Как — сам не понял. Просто раз и женили.

Полинка была молодая. Сколько лет я даже не помнил, но явно не больше двадцати пяти. Глаза карие в крапинку оленьи, ресницы длиннющие, вот она ими хлоп хлоп и я в ЗАГСе. А потом — в шоке.

Не то, чтобы она не нравилась мне, эта самая Полина. Но теперь, год спустя, мне казалось, что я просто завел дома диковинную зверушку. Милую такую, смешную и хорошенькую, щебечет что-то на своём — не понять. И все что надо это созерцать и баловать. Баловать ее несложно было, всего-то карточку банковскую дать. А вот созерцать быстро надоело.

— Павлуш! — сердито воскликнула хорошенькая Полина и топнула хорошенькой ножкой.

Я вздохнул — это ее “Павлуш” меня раздражало неимоверно, но донести до Полины это оказалось невозможно, я не понимал её языка, она моего.

— Что? — устало спросил я.

— Я тебе говорю говорю, а ты не слушаешь! К Афанасьевым я пойду в платье глубокого синего цвета. Мне хочется монохромного образа, поэтому срочно нужно купить мне комплект сапфировых украшений. А тебе...ну не знаю, может галстук синий.

— Купи, — вздохнул я. — Что хочешь купи, только не называй меня Павлушей, пожалуйста.

Полина напряглась. Даже от зеркала отвернулась, а она в него чаще смотрела, чем на окружающий мир.

— У тебя кто-то есть, да? Честно говори, Павлуш, мы с этим справимся. Карина такого семейного психолога посоветовала, я немедленно же нас запишу.

— Нет у меня никого.

— У нас секса уже пару месяцев нет!

Надо же, заметила. Я думал она только о себе думает да собой любит.

— У меня много работы.

Полина задумалась. Прямо всерьёз так. Если могла бы, нахмурилась бы даже, но ее лоб обкалывался ботоксом лет с восемнадцати и забыл, как хмуриться.

— Давай я тебе ребёнка рожу, а?

Я чуть не заржал. У нас и близости не было потому, что я начал воспринимать Полинку, как ребёнка несмышлёныша, а тут уже два ребёнка будет. И что мне с ними делать, как уследить? Нет, не надо.

— Не хочу детей.

Полина удивлённо округлила рот.

— Как не хочешь? Ты же старый уже.

Стало обидно, но так — самую капельку. Мне и правда сорок будет в наступающем году, и нафига вообще Серегу слушал, зачем позволил женить себя на этой красоте?

— У меня есть идея лучше, Полин. Давай мы с тобой просто возьмем, и разведёмся?

Рот приоткрылся ещё сильнее, показав и ослепительно белые зубки — обошлись мне в миллион, и розовый язычок.

Она была обворожительна, моя Полинка, жаль только не под меня лекала кроились.

— Ты обиделся, да? Я больна так не буду, честно, Павлуш! И совсем ты не старый, мужу Карины вообще шестьдесят, а ты у меня самый молодой и красивый!

С пufика своего вскочила, к ходящей ходуном груди прижала тонкие руки, того и гляди разрыдается или вовсе ко мне в объятия бросится, а то и вовсе все разом. Я упреждающе выставил ладонь — не надо мне таких фокусов.

— Полин, я просто устал. Мне другая жена нужна, понимаешь? Как я...старая. Чтобы мне с ней интересно было. Чтобы мы студентами на дискачах под одни песни дрыгались. Ты их оловыми зовёшь, а у меня ностальгия вот.

— Я не интересная?

— Зато ты очень красивая! — торопливо воскликнул я.

Полинка покосилась в зеркало и немного успокоилась.

— Но как я теперь буду, Павлуш? Без тебя...без денег?

Я спрятал улыбку и печально вздохнул.

— Я тебе дам немного, хватит, пока нового мужа не найдешь, я думаю ты быстро справишься. Цацки-тряпки все свои заберёшь, сумочки.

— А машину? — хищно вскинулась Полина.

— Свою розовенькую забирай, — великодушно разрешил я.

Я уже почти чувствовал свободу.

— А жить мне где?

Я задумался. Выкидывать хорошенькую Полинку с голой жопой было неловко.

— Оставлю тебе квартиру.

— Эту?

— Ну нет уж, — осадил Полину я. — Однушку на Адмиралтейской. Не наглеЙ, Полина.

Полина обиженно надула губки, но сдалась, поняв, что ее чары на меня не действуют.

— Она же маленькая, — проныла Полина, но осеклась, встретив мой взгляд. — Ладно уж...надеюсь поместятся все мои сумочки.

И бросилась что-то нащелкивать ноготками по экрану телефона — наверное подружкам рассказывает, что старый Павлуша ее бросил. Да и черт и с ней, и с подружками ее. Я ушёл в кабинет, созвонился с юристом, чтобы готовил документы на развод. Проблем быть не должно — брачный контракт был составлен железно, и все что я Полине даю, просто компенсация за то, что поматросил и бросил. После разговора налил себе в бокал виски, сделал глоток и вдруг так хорошо стало — как за последний год не было ни разу. Пусть женятся те, кому это нравится, у каждого свое хобби. Я же лучше удочку куплю или ружьё охотничье, и сам какнибудь, без жены, наследников и прочих нервотрепок.

Глава 3. Вера

С божьей помощью я дожила до понедельника. Вечером вернулась домой и просто упала в кровать. Васька сидел у изголовья и ворчал — на жизнь жаловался, а у меня даже поддакивать сил нет. Кругом новый год наступает, пара дней осталось, все готовятся, а я... что толку? Даже если наряжу ёлку, Лиза с Костей из принципа ее разнесут.

Однако что-то делать было нужно. Во вторник я ушла с работы пораньше и потопала на рынок — я же ответственная. Купила баночку икры, надо ее спрятать, чтобы дожила до нового года, отличный кусок говядины, мандарины, бутылку шампанского и прочее — пакеты оттягивали мне руки. Домой притопала такая уставшая, словно по пути несколько раз умерла и заново воскресла.

— А ты чего это так рано? — удивился Леша.

Я тоже удивилась — он на работе должен был быть.

— Ты же сказал, что не можешь мне помочь с покупками, некогда.

Он скривился — мое нытьё ему не нравилось. А мне не нравилось, что картинка наступившего счастья просто максимально не совпадала с реальностью. Вроде все тот же — высокий, в лёгкую рыжину, и взгляд внимательный, и родной вроде — а такое отторжение, хоть беги.

— Меня резко отпустили домой, ну я и поехал. Не ной,

так получилось. Вкусного купила чего?

— Это на новый год, — мрачно ответила я.

Разбирала покупки на кухне под его внимательным взглядом и понимала — потом все надо будет перепрятать, иначе встречать мне новый год с картошкой и сосисками. Леша не морочился особо, видел что-то вкусное — съедал.

Телефон пиликнул уведомлением, я смахнула его вниз и вчиталась, затем подняла взгляд на Лешку.

— Леш, ты что, коммуналку не заплатил?

Он виновато развел руками.

— Костик сменку потерял, а там кроссовки дорогушие. Ему надо, он же футболом занимается. Вот я и перевел. Теперь нет денег, пустой.

— Молодец, — едко сказала я.

Он мгновенно вскипел.

— Ты что, не понимаешь? Я отец! Я обязан им помогать!

— Не спорю. Помогать. Проводить время. Но отдавать все свои деньги, Леш? Я тоже твоя семья, мне тоже надо помогать.

— Тут еще подумать надо, — совсем, как Лизка, фыркнул он. — Мама говорит...

— Вот иди к своей маме и вместе думайте!

Леша понял, что я на грани и примирительно коснулся моего плеча.

— Перестань, Вер...у меня ещё и потому денег нет, что я тебе сюрприз готовлю на новый год. Мама помогала выби-

рать. Она так рада, что проведёт с нами новый год...

Я устало села на стул. Не глядя на своего мужчину открыла банк, скрипнув зубами оплатила коммуналку. О том, что уважаемая Марина Львовна, моя возможная свекровь будет с нами на новый год, я тоже слышала впервые. Она, тощая, как жердь, ела на удивление много. Сейчас я ненавидела Лешу и ненавидела себя, за то, что из радушной и гостеприимной хозяйки превратилась в ту, что считает, кто сколько съест. Я любила принимать гостей раньше, впрочем, я и детей любила до Леши...

— Хотя бы на продукты докинь, — мягко попросила я. — Леш, ты мне в этом месяце вообще не давал денег, а впереди новый год.

Леша снова виновато развел руками. Я удручённо застонала, подхватила Ваську под теплое брюшко и ушла в спальню. На карточке осталось всего несколько тысяч — это при том, что когда я жила одна, мне всегда хватало, я успевала копить, выбирать родным и друзьям хорошие подарки. А теперь потрачу остатки на новогодний стол и буду сидеть ждать следующей зарплаты. От переживаний заболела голова, я выключила свет и легла.

В комнате темно, зимние вечера ранние. Из гостиной слышно бубнеж телевизора. Стена напротив окна чуть мерцает — магазин через дорогу был весь усеян гирляндами. Горько и обидно, но потихоньку в душу стало прокрадываться умиротворение — а может, накручиваю? А может, все

устаканится? Отношения, а тем более брак, это работа... да и детей мне вполне возможно и правда поздно рожать...

А потом открылась входная дверь, впустила в квартиру гвалт, детские крики, Васька тут же тревожно метнулся под кровать. Я встала и выглянула в коридор. Лизка и Костя, укутанные, румяные с мороза. Кира на высокой шпильке, макияж, волосы уложены, на шубке мерцают подтаявшие снежинки.

— Принимайте гостей, — крикнула весело она, подмигивая мне. — А мамочка на корпоратив!

— Мы не договаривались, — попробовала было возразить я.

— Еще как договаривались, — отмахнулась Кира. — Я Лёшке давно сказала. Лиза, да аккуратнее ты, сапоги маме отдавишь! Вер, а как тебе моя шубка? Голубая норка! Ухватила по новогодней скидке.

— Красивая, — спокойно ответила я.

— Ну, я пошла, развлекайтесь тут.

И убежала цокая каблуками, оставив после себя шлейф дорогих духов. Я повернулась к Леше. Тот старался не смотреть на меня, помогая Лизке стянуть зимний комбинезон.

— Леш, — позвала я. — Ничего не хочешь сказать?

— Рад, что ты проснулась, — ответил он. — Я тогда в комнату, за комп, а вы дети в гостиную и папе не мешать.

— А я куда?

Голос мой звучал обиженно, даже Костик на меня по-

смотрел, обычно куда-то мимо, словно я недостойна прямых взглядов.

— Ну, не знаю, на кухню, может? Что ты хочешь, я вовлечённый отец!

Я дождалась пока дети уйдут в гостиную, Лёшке уйти не позволила, поймав его за рукав.

— Ты не вовлечённый отец. Ты просто откупаешься от бывшей жены в ущерб мне. И ты не проводишь время с детьми, ты просто сваливаешь их на меня, не давая никаких прав, одни обязанности.

— Ой да хватит нудить, тебе лишь бы повод найти чтобы поссориться.

Сбросил мою руку и ушел в комнату. Из гостиной надсадно визжала Лизка. Я пошла на кухню. Постояла. Посмотрела в окошко — там, за ним, предпраздничная суeta. Радуются все. А я копейки считаю, и думаю, как пережить вечер с невыносимыми детьми.

Решение пришло спонтанно. Я торопливо приняла душ и вскоре зашумела феном, соображая на голове укладку. Нанесла макияж. Из зеркала на меня смотрела прежняя Вера — вовсе не старая. Яркая и веселая. Такая, как была до знакомства с Лешей. Счастливая, пусть и без семьи.

— Идеалистка старая, — улыбнулась вдруг я.

В комнате скинула халат, выбрала красивое белье — у прежней Веры оно имелось. Надела платье с глубоким декольте. Лёша расстреливал врагов на экране и ничего не за-

мечал. Когда была готова, сама подошла к нему и стянула с него наушники.

— Ты что, меня убьют щас! — смешно завизжал он. Потом увидел, что я при параде и вытаращил глаза. — Ты куда?

— На вечеринку, — ответила я. — Новогоднюю. А ты тут потуси с детьми.

— С ума сошла? Что я с ними делать буду? Чем кормить? Я на мгновение задумалась.

— Знаешь что? Это твои проблемы. Дети же твои. И знаешь, что я ещё надумала? Я вернусь домой...завтра. И чтобы к этому времени никого из вас тут не было. Мы расстаёмся. Понятно?

Лёшка верещал что-то в след, но я торопливо выскочила из квартиры захлопнув дверь. Плана у меня не было. Я доехала до центра на такси. Зашла в первый же попавшийся бар, и выпила три Шота подряд. В голове зашумело и уровень храбрости значительно приподнялся. Я расплатилась и вышла на улицу. Тут, в центре, все сверкает. Все счастливы, а счастье так заразительно, особенно, когда ты пьян. Я подошла к ресторану, который ни в прошлой, ни в этой жизни мне не был по карману. В него то и дело входили люди — внутри намечалась вечеринка. Вечеринка — это то, что нужно сейчас. Движением фокусника я извлекла из сумки маскарадную маску, прихваченную из дома и надела ее.

Консьерж то и дело отвлекался встречая прибывших, поэтому просочиться внутрь под шумок труда не составило.

Там внутри было ещё два охранника, но они лишь скользнули по мне взглядом и я беспрепятственно вошла внутрь. Там — огромное пространство заполненное музыкой, красиво наряженными людьми, официанты разносят на подносах закуски и бокалы.

— Явно лучше, чем сидеть с Костиком и Лизкой, — хмыкнула я.

Подхватила с подноса бокал, залпом выпила шампанское, и сделала несколько шагов вперед — навстречу самому роковому приключению в своей жизни. Ко мне кубарем подкатился аниматор с мешком в руках и протянул его мне

— Тяните, — торжественно велел он перекрикивая музыку. — Там ваше приключение на предстоящий год.

Во всякие гадания я не верила, но руку в мешок запустила. Там куча хрустких шариков, один из них я и вытащила. Открыла, внутри свернутая бумажка.

— Роддом, — растерянно прочла я. — Нет, роддом мне точно не светит, давайте я ещё раз вытяну, мне даже Мальдивы реальнее, на них хоть кредит можно взять.

— Ладно, — смиловился парень.

Я вытянула ещё раз, а парень растворился в толпе. Развернула вторую бумажку — опять роддом. Ну нет, учитывая что своего мужчину, который предохранялся так, что случайный залёт был исключён, я из дома выгнала, а второго ищи свищи, роддом мне не грозит точно. Поэтому — милые, но обидные бумажки в кармашек сумки и пить дальше. Се-

ГОДНЯ МОЖНО.

Глава 4. Павел

С разводом Полинка вроде как примирилась, старательно подсчитав свою компенсацию, но караулить меня не перестала. И подружек своих подначила. Вечеринку устроенную Афанасьевыми я пропустить не мог, и теперь лицезрел то одну супружнину подружку, то вторую. Нет, я вовсе их лица не запоминал. Просто во первых они осуждающе пялились на меня в упор, а ещё все были одинаковыми, просто платья разные. Пара из них даже успела мне утешение в своих объятиях предложить, но пожалуй я на своем веку уже наженился. Хватит.

На радостях от того, что документы на развод уже отправлены, я выпил несколько бокалов, разглядывая толпу, которая дрыгалась по песенки приглашенной звезды. И какого черта я обязан тут торчать? Здесь все равно столько народу, что не явись я, мое отсутствие никак не возможно было бы доказать. Может, я на танцполе дрыгался в толпе.

После очередного бокала прямо по курсу я заметил Полинку. Она выглядела восхитительно, этого не отнять. Смотрела на меня плотоядно, и плавно перебирая длинными ногами двигалась прямо в моем направлении. Публичных сцен я не хотел — ни дай боже начнёт рыдать, придется еще одну квартиру подарить, чтобы перестала. Поэтому я решил ретироваться. Постарался потеряться в толпе, затем и вовсе

заскочил в туалет, на двери которого был изображен писающий мальчик.

И так тихо стало вдруг, что обратно даже и не очень хотелось. Музыка бубнила где-то в стороне, там куча народу и хищная Поинка меня ищет. Права она — старый я. На столько, что даже в туалете мне лучше, чем на вечеринке.

— Господи, — простонал голос.

Женский голос в мужском туалете. Впрочем, ситуации бывают разные, я не ханжа, разве только огорчен тем, что убежище придется покинуть. Из кабинки раздался совершенно неаппетитный звук — дама перебрала и прощалась с содержимым своего желудка. Я собрался уже выйти, но тут она так горестно застонала, что мне стало неловко.

— Вам помочь? — спросил я.

Кабинок было три. Две пустые, значит дама находилась в той, что посередине, дверь в нее была приоткрыта. Я потянул ее на себя и увидел попу. Попа вполне благочинно была упакована в платье, но больно уж поза впечатляющая — дама стояла на четвереньках перед унитазом, оттопырив пятую точку.

— М-м-м, — протянула дама.

Чуть повернулась выглядывая, кто ей блевать мешает. Попыталась сфокусировать на мне взгляд. Удивительно было не это. На ней была маскарадная маска имитирующая черное кружево.

— Вам удобно блевать в маске? — вежливо поинтересо-

вался я.

— Я...я соблюдаю анонимность, — с трудом проговорила моя собеседница.

— Похвально. Вам помочь?

— Воды...

Я сходил на бар и взял бутылку воды. Даму нашёл в том же туалете, но из кабинки она выбралась и теперь старательно умывалась, слегка покачиваясь при этом.

— У вас с маски капает, — вежливо заметил я.

— Я ее помыла, — ответила девушка и икнула. Я протянул ей воду. Она выпила половину, потом аккуратно закрутила, прижала к груди и пожаловалась, — мне совсем нельзя пить.

— Так и не нужно было. С вами есть ктонибудь? Муж, сват, брат?

— Я.. Ик...я старая дева, — выдала она. — так жалко было...

— Чего жалко? — не понял я.

— Блевать красной икрой и прочими осьминогами...отведите меня куданибудь, мне плохо...

Она так трогательно смотрела на меня из под своей мокрой маски, а капли так обворожительно стекали по покрывшемуся мурашками декольте, что отказать я никак не мог. Подхватил ее за руку и повел к выходу — здесь ей явно ловить уже нечего. На улицу выводить не стал, усадил на одно из кресел возле гардероба.

— Ну, посидите тут, и домой, — сказал я и ободряюще похлопал даму по плечу.

Признаться, за следующий час я про нее забыл. И про соблазнительную пятую точку, и про капли в декольте. Меня таки поймал Афанасьев, пришлось выдержать максимально скучную беседу. Потом меня вовсе вытолкали на сцену, где начали благодарить за вклад в спасение бездомных животных и бездомных людей. А я даже не знал, что я их спасал — просто распорядился, чтобы часть дохода уходила на благотворительность. Пришлось толкнуть скучную речь, потом основательно выпить, запивая стресс — каждый раз выступая где-то вспоминаю маленького Пашу на утреннике, который стоит перед толпой мам и бабушек, пытаюсь вспомнить свой стишок.

В общем из ресторана я вырвался изрядно навеселе, уставший, и успешно избежавший старую жену и всех новых претенденток. На парковке с удовольствием закурил — курил я редко, но каждый раз в охотку.

— Артем, ты где? — позвонил я водителю. — Я вышел уже, давай скорее.

Парковка была забита, поэтому ему нужно было развернуться, совершая неудобный маневр. Затем он вышел из машины и открыл передо мной дверь.

— Вы богатый, да? — услышал я женский голос.

Голос был мне знаком и я недоуменно развернулся. Она сидела на бордюре позади машин, прежде мной незамечен-

ная. Уже в пальто. К груди по прежнему прижимала бутылку, только теперь пустую. По бутылке, и разумеется по маске, я ее и узнал.

— Нет, — ответил я. — Есть люди и богаче.

— Но вам водитель открыл дверь в машину.

— Я знал, что выпью и заранее договорился о назначении мне машины с водителем.

— Кайф, — сонно отозвалась девушка и зевнула, завалившись назад и едва не упал в снег.

Позади нас уже начинала разворачиваться другая машина и скоро мы начнем ей мешать.

— Вы почему домой не едете?

— А мне некуда.

— Вы бомж?

Дама обиделась.

— У меня двушка, — гордо ответила она еще раз зевнув.

— Только туда я завтра поеду. Там Лиза и Костя. А я их не люблю. Знаете, почему?

— Почему? — послушно спросил я.

— Потому что я плохая! А еще старая!

— И я старый, — вздохнул я. — Куда вам такси вызвать?

Девушка упрямо покачала головой, машина сзади сердито засигналила. Я выругался. Оставлять ее жопой в сугробе очень не хотелось.

— Артем, помоги ее в машину, по дороге разберёмся, куда везти.

В машину мы ее запихали. Тронулись

А вот разобраться куда везти никак не выходило. Она начала плакать. Говорила, что плохая и какой-то Костя ее не любит. И Леша этого не понимает. Поэтому она обиделась на Лизу. Ещё в повествовании фигурировал какой-то Вася, единственное, что я понял — у дамы очень бурная личная жизнь. А затем она и вовсе уснула свесив голову и тихонько посапывая из под кружевной маски.

— Может ей хоть маску снять, — спросил Артем. — Чтобы не задохнулась.

— Она анонимность соблюдает, — мрачно буркнул я. — Что вот с ней делать?

— Оставить в ближайшем отделении полиции?

Поступить так у меня рука не поднималась. Искать номер в отелях — прорва времени уйдет, перед новым годом все забито. На Адмиралтейскую везти, так у меня ключей с собой нет. Да и Полинка ее побьет.

— Хер с ним, — решил я. — Давай ко мне. Протрезвеет и уйдёт. Не считая того, что у нее похоже любовников штук пять и пьяна в дрова, где то в ней проглядывает порядочность и даже как будто интеллигентность.

Артем заехал на подземную парковку. Дама все так же посапывала, не проснулась даже когда я закинул ее на плечо. Внеся в квартиру я стал выгружать ее на диван в гостиной и вот тогда то она проснулась. Распахнула испуганно голубые глаза, затем словно узнала меня, потянулась сонно, закинула

руки, притягивая меня к себе и чуть царапая кожу на моей шее своей маской.

Глава 5. Вера

Я просыпалась с трудом. Сон был словно песок зыбучий, затягивал меня в себя и не выпуская, но спать дальше было решительно невозможно — в висках пульсировало, а изнутри раздирало таким сушняком, словно я ужинала картоном, не запивая.

— Мне же нельзя пить, — глухо простонала я.

Голос едва продирался через иссохшее горло. Я открыла глаза. Некоторое время пространство вокруг меня вращалось, затем, неуверенно затрепетав, все же зафиксировалось на одном месте. Я растерянно моргнула. В поле моего зрения попала стена нейтрального, светло-серого оттенка. Пушистый бежевый ковер на полу. Выводы простые — я не в своей квартире. Ковров у меня не имелось вовсе, на них собиралась Васькина шерсть.

Я приложила все усилия, повернулась на спину, а затем и на другой бок. И — едва не заорала вслух, пришлось прикрыть ладонью рот и тихо, но истерично что-то в него промывать. На второй половине кровати спал мужчина.

— Мать господня, — пробормотала я.

Я не была святой — в моей жизни было мужчины. Но все, как полагается. Сначала знакомства, потом свидания и прогулки в парке, затем первый поцелуй. Каждый раз я думала, что это серьезно, это навсегда, и короче двух лет у меня от-

ношений не было. А сейчас — я в постели с незнакомым мне мужчиной.

Лица я его не видела — лежал на животе отвернувшись в другую сторону. Но и коротко стриженные русые волосы, и две родинки на лопатке, да и вообще вся ситуация говорила мне о том, что я его первый раз в жизни вижу.

— Ужас какой, — прошептала я.

Заглянула под своё одеяло и снова глухо застонала — голенькая, прямо, как мать родила. Потом осторожно, чтобы не разбудить, заглянула под соседнее одеяло. Моему взгляду предстали обнажённые крепкие ягодичы, на одной из них еще одна родинка красуется.

Я пала ниже некуда. Я осторожно села на кровати. К моему боку приклеилась моя же маскарадная маска, оставив на коже забавные вмятины. Я расправила ее, как смогла, и вновь надела на лицо. Пусть голая — зато инкогнито.

Затем прижав к себе одеяло прокралась прочь из комнаты. В коридоре на полу валялись мои капронки — безнадежно порванные, даже поднимать не стала. Пошла дальше по квартире, которая впечатляла — такие широкие коридоры в жилых помещениях мне еще не встречались. И все так дорого богато. Платье нашлось в гостиной. Там же и пальто, там же и сапоги. Нашелся лифчик, трусики канули в лету. Бог с ними, главное сбежать до тех пор, пока хозяин квартиры не проснулся.

Я натянула на себя платье, лифчик просто запихала в сум-

ку. Сапоги, пальто — готова бежать. Уже на выходе из квартиры поняла, что так и не попила и если не попью, то умру сейчас.

Входная дверь открылась, когда я судорожно искала стакан. Процокали каблучки и на кухню всплыла девушка из телевизора, потому что в реальной жизни таких быть не должно, слишком идеальная. Высокая. Волосы белоснежные по пояс. Чуть вздёрнутый носик. Пухлые губки. Ресницы — до бровей.

— Что вы здесь делаете? — сурово спросила она.

— Водички хотела попить, — тихо пискнула я.

Девушка закатила глаза.

— Где мой муж?

— М...., — невразумительно промычала я. — М...муж?

Такое грехопадение просто не укладывалось в моей голове. Вера так не делает. Не напивается и не занимается сексом с чужими мужьями, впрочем поди вспомни, был этот секс или нет.

— Муж, — подтвердила блондинка.

— Это не то, что вы подумали, — торопливо пробормотала я. — И водички мне перехотелось. До свидания. Нет, прощайте. Простите.

Я стрелой промчалась мимо красавицы и юркнула в дверь, которую она не успела закрыть. Раз десять нетерпеливо нажала на кнопку вызова обоих лифтов. Уже изнемогала от жажды, но жизнь дороже, в квартиру под страхом расстрела

не вернуться.

Наконец прибыл лифт, затем слава богу закрылся пряча меня, и я покинула место преступления. Внизу — огромный холл. Весь в мраморе. Посередине фонтанчик. Мягкие кресла. Настоящая зелень. Не подъезд, а просто дворец какой-то.

У входа стоял консьерж, а из-за стекла на меня внимательно смотрел дюжий охранник — богатеи очень волновались о своей безопасности. Под их немигающими взглядами я наконец выкатилась из подъезда.

Жилищный комплекс состоял из трех высоток, что стояли почти идеальным треугольником, скрывая обширный внутренний двор со сквером, несколькими детскими площадками, беседками, и фонтаном, куда ж без него. Фонтан был засыпан снегом.

Я не могла открыть калитку сама, поэтому стояла и ждала, пока меня ктонибудь выпустит. Прошла за женщиной с собачкой — обе одарили меня осуждением. Конечно, конец декабря, я без колготок и трусов, коленки мёрзнут, еще и чья-то жена чуть не побила. Я снова застонала.

От богатого комплекса я почти бегом добежала до соседних, тоже богаче, но поскромнее. Там стоя у калитки заказала такси. Пить хотелось невыносимо и ни одного магазина не видно.

Оглянувшись еще разок я решилась сожрать снежок. С земли подбирать было боязно, тут собаки писают и мужики окурки бросают, поэтому взяла снег с ближайшей припарко-

ванной машины. Укусила. Заломило холодом зубы, а затем божественная влага просочилась в измученное горло. Хорошо, но мало, я весь снег сожрать готова, может хоть благодарность от города выпишут.

Такси приехало, когда я доедала второй снежок. Я закинула в рот последний кусочек и села в машину.

— Тяжелый день? — сочувственно спросил таксист, глядя на мои голые, розовые от холода коленки и помятую маску на лице.

— Вы даже не представляете, — мрачно ответила я.

До дома оказалось не так далеко — добралась меньше, чем за полчаса. Подавила желание сожрать еще один снежок в своем дворе и поспешила в подъезд. Коленки уже щипало от холода. Маску я сорвала и запихала в карман пальто.

Скорее домой. Дома тепло. Дома чай горячий и таблетка от головы. Душ. Дома пушистый и теплый Васька. И никакого Леши, никаких детей. Встретил меня запах пирогов.

— Марина Львовна? — обомлела я, входя в квартиру.

На кухне возилась моя несостоявшаяся свекровь, мать Лёши.

— А ты как думала? — едко спросила она. — Думала выгонишь моего сына из дома, а я в стороне останусь?

— Но это мой дом!

Свекровь сняла с противня полотенце, обозревая румяный, невыносимо пахнущий мясом пирог.

— Не о том думаешь, Верочка.

— А о чем нужно?

— О том, как семью спасти! Семья это святое, семья самое главное.

И назидательно вскинула тощий палец вверх.

Глава 6. Павел

Она потянулась ко мне всем телом...дальше можно было бы предположить что-то романтическое, но нет, гостья предпочла меня удивить. Она — со всей дури цапнула меня за ухо.

— Ай, больно! — возмутился я, отстраняясь. — В вас что, бес вселился?

Дама потянула меня к себе за галстук.

— Вы так вкусно пахнете, — промурлыкала она.

— А вы алкоголем и слава богу жвачкой, — проворчал я отодвигаясь.

Гостья вызывала справедливые опасения — ухо болело. И вообще, когда я ее к себе нес, надеялся, что она просто проспится и уедет. А она — кусается.

— А порвите на мне колготки, — вдруг попросила она. — Когда, как не сейчас?

— Вы из дурки сбежали? — на всякий случай уточнил я. — Может, я вас обратно отвезу?

Я все ещё был обижен за ухо. С моим ушами так никто еще не поступал.

— Тогда я сама, — решила совсем не гордая и не обидчивая гостья.

Резво вскочила с дивана — не в ее состоянии бы так скакать. Едва не упала, но таки справилась, и выпрямилась

вскинув руки — актриса. Затем наклонилась и чуть задрав юбку рванула на одной ноге колготки. Несчастный капрон затрещал, на нем побежали дорожки, а затем образовалась и внушительная дырка.

— Вот как! — похвасталась гостя.

Так же поступила со второй ногой. Я метнулся за алкоголем, пока девушка запуталась в своих ногах и пыталась разобраться — такое нужно созерцать неторопливо, с чувством, с толком, с расстановкой.

— А дальше стриптиз, — сообщили мне.

Я сделал глоток. Девушка склонилась, стягивая колготки, вновь запуталась, упала, но мягко приземлилась на ковёр пятой точкой. Я сделал еще глоток. Стриптизерша тем временем поняла, что сидя, ей куда как легче снять сапоги. Да и колготки стаскивать легче, она все же неуклюже их сняла. Затем — бросила в меня. Я, конечно, еще делал вид, что обижался за ухо, но на самом деле гостью простил, и колготки поймал. Что делать с ними не знал, и бросил обратно — они улетели куда-то в коридор. Самое время еще для одного глотка. Я почти не пьянел на вечеринке, а тут захмелел прямо порядком, видимо неуклюжий стриптиз помог.

— Теперь платье, — сообщила стриптизёрша.

Стягивая его через голову умудрялась застрять, ругалась там внутри, затем справилась. Зрелище меня забавляло изначально. Я планировал насладиться его нелепостью, а затем в охапку и отправить соблазнительницу отсыпаться. А тут —

в горле пересохло.

Она была удивительно женственной. Мягкой. Изгибы тела плавные. Тяжёлая грудь в полупрозрачном черном белье так и просится в ладони — их даже свело от этого желания. Я привык к тугой искусственной груди Полины — здесь все было иначе. В горле пересохло и я сделал ещё глоток, чувствуя, как плотно натянулась ткань брюк в районе паха.

— Может, снимите маску?

— Нет...анонимность.

— Как я мог забыть.

Она поползла ко мне на четвереньках. Должно было быть соблазнительно, по факту ее кренило то в одну, то в другую сторону. Но тем не менее, взгляда я отвести не мог. Доползла и принялась за мою ширинку. Ничего у нее конечно же не получалось.

— А теперь стоп, — мягко сказал я. — Я не использую пьяных женщин.

— Так это я вас использую, — искренне удивилась она.

Стянула лифчик. Для пьяной в стельку — очень просто и быстро. Колготки ей дались куда сложнее. Освобожденная грудь чуть колыхнулась, крупные розовые соски торчали так дерзко, что я нервно сглотнул.

— Тем не менее. Сейчас я встану и пойду к себе. А вы ляжете спать на диване или на любом удобном для вас месте, исключая мою комнату. Надеюсь утром вас тут не будет.

— Дайте, — сердито попросила гостя.

И рванула у меня из рук бокал. Чуть выплеснулось на ее грудь, струйкой потекло вниз по гладкой молочной коже. Остальное она выпила залпом. И — задохнулась, не ожидая ощутить крепость коньяка. Закашлялась, потом села на пол у моих ног и заплакала.

— Не плачьте, — мягко попросил я.

Я выглядывал по сторонам диванный плед — накрыть всю эту красоту от греха подальше.

— Легко сказать! — всхлипнула она. — Вы богатый! А я старородящая!

— Я тоже старый.

— Вам можно не рож-а-ать, — провыла она.

— Вы тоже не рожайте.

— У меня часики тикают! Тик-так, тик-так, тик-так...

И зарыдала ещё громче. Я налил себе бокал, тоже выпил его залпом, чувствуя, как в голове зашумело. Накинул таки на нее плед и сел рядом, неловко приобняв — ревущая женщина запрещённый прием.

— И Костя с Лизой меня не любят, — продолжала убиваться гостя.

— И Вася, — напомнил я.

Она вскинула на меня свои светлые глаза, такие контрастные на фоне черной маски.

— Почему это? Вася меня любит. Он спит только со мной, три года уже.

— Восхитительно, — отозвался я.

Коварный плед съехал куда то вниз, тяжелая грудь вскользь задела мою руку и я буквально зубами заскрипел от желания ее стиснуть. Конкурировать с Костей, Васей и прочими мужчинами мне не хотелось, я вообще не любил распущенных людей, но она как-то не вязалась с распущенностью. Вопреки всему казалась нежной и невинной.

И я — сжал эту чертову грудь. А дальше что либо менять было поздно, да и признаться честно, не хотелось.

— Вы будете жалеть завтра, — предупредил я.

— А может, я и не вспомню даже, — хихикнула она.

Я то вспомню точно. И то, как царапало мне лицо жёсткое кружево ее маски, и как я, даже будучи пьяным и возбуждённым пытался беречь свои уши — но слава богу, она про них забыла. И то, что мы делали на ковре. И перебравшись в комнату. Полина ходила на специальные курсы по изучению страсти, а она, моя гостья, могла их преподавать.

А проснулся я от шума в коридоре. Один в постели.

— Изменщик! — громко кричала Полина.

В висках билось похмелье, в горле пересохло, тело ломит после бурной ночи — я накрыл голову подушкой и застонал.

Глава 7. Вера

— Я...эм...я в душ, — неловко сказала и попятилась по коридору спиной прямо в пальто и сапогах.

Теплилась робкая надежда — может, пока я буду в ванной, Марина Львовна испарится? Я захлопнула за собой дверь, сапоги и куртку свалила комом в углу, затем напилась противной хлорной воды прямо из под крана. Душ всех грехов с меня не смыл, но стало немного легче. Благо, халат висел в ванной на крючке, и бегать перед несостоявшейся свекровью в одном полотенце не пришлось. Она кстати, никуда не делась. Чайник поставила.

— Где ночевала? — строго спросила Марина Львовна.

— У подружки, — пискнула я.

Я никому и никогда не признаюсь, где провела нынешнюю ночь. Слишком стыдно. Вера так не делает, Вера хорошая.

— Подружки до добра не доведут, — покачала головой Марина Львовна. — Они через одну разведёнки, и просто завидуют счастью.

— Какому?

— Твоему!

Налила горячего чая, щедро сыпанула сахара, бросила кружок лимона. Поставила передо мной тарелку с нарезанными пирогами — один с яблоками, второй с мясом и капустой. У меня в животе заурчало, а в голове замелькали кар-

тинки. Вспомнилось, как было вкусно. Креветки были такие крупные, лимоном сбрызнутые. Устрицы ещё, точно, но их я есть не рискнула. Икры налопалась... потом ещё грустно было, что вся еда насмарку, потому что блевала. Точно, это было.

Есть не смогу, подумала я, но сделав глоток чая потянулась к пирогу. Мясному. Откусила и зажмурилась даже от удовольствия — пусть я не выношу Марину Львовну, но пироги у нее отменные.

— Не особо то я и счастлива, — отметила я с набитым ртом.

Марина Львовна покачала головой.

— Не гуляет. Не пьёт. Не бьет. Что тебе ещё нужно?

Я не смогла бы сформулировать. Я вдруг поняла, что и ребёнок бы не реанимировал эти отношения.

— Я хочу, чтобы меня любили...ценили. Баловали, хоть немножко, хоть по пустякам. Помогали.

— Пффф, — рассердилась собеседница. — Ты на себя в зеркало смотрела? Нет, так посмотри. Милочка, тебе что, двадцать лет?

До зеркала мне идти было лень, но пузатый металлический чайник заботливо отразил на своём боку мою похмельную физиономию. Она прямо кричала — бери, что дают, прыгай в последний вагон, поздно выпендриваться, повыпендривалась уже, тридцать семь лет, а кроме кота никого!

— Не двадцать, — со вздохом согласилась снова я.

Тут и не поспоришь. А ведь если бы я родила в двадцать, ребенок у меня бы был уже огромный. Подросток. Невозможно представить, но вообще моя одноклассница, которая родила в восемнадцать, уже бабушка. Может и правда поздно рожать?

— И что, женихов очередь? — вернула меня в реальность Марина Львовна.

— Нет очереди.

— А чего Лешку моего гонишь? Пришел с утра, весь на нервах, Лиза плачет... даже детей довела. Ушла ведь, не покормила даже!

— Я не хочу так...

Спорить с Мариной Львовной, что танк голыми руками останавливать.

— Соседку свою знаешь? Теть Свету? Вот и посмотри на нее. Я с ней ещё на заводе работала, а тут неожиданно встретила в твоём подъезде. Она в начале девяностых мужа своего прогнала. Говорит чем такой муж, лучше никакой. И что теперь? Ни детей, ни внуков, ни поговорить не с кем. гуляет со своей плешивой собакой вот и вся радость.

Соседку я толком не помнила, но картину обрисовали грустную. Я не хотела такой жизни. Но и так как выходило мне тоже не нравилось.

— И что делать? — тихо спросила я.

Словно Марина Львовна лучший советчик.

— Голову включить и меньше подружек слушать. Сегодня

побудь одна, поспи спокойно, раз выходной у тебя. А дальше решать будем. А такие мужики, как мой Леша, на дороге не валяются.

Возражать я не посмела. Просить ключи обратно тоже. У меня не было сил. Съеденный кусок пирога камнем давил изнутри, снова поднялась тошнота. В моей комнате беспорядок, кровать вновь перевернула, ложиться в такую себя не уважать, но сил перестилать не было. Я сдернула все на пол, постелила плед и упала на него.

— Вась, — позвала я. — Враги ушли и сегодня обещали больше не тревожить.

Васька выбрался из под кровати, лёг рядом вытянувшись всем телом и тихо заурчал. Я закрыла глаза. В голове калейдоскопом картинки из вчерашнего вечера. Много людей. Много алкоголя. Вкусные креветки. Певица там ещё пела, которая из каждого утюга. Помню, что попе было холодно, потому что в снегу сидела. Как, ну ка-а-ак, это все привело меня в постель женатого мужчины???

Сон свалился сверху, придавил неподъёмной глыбой. Там, во сне, играла весела новогодняя песенка и люди дружно водили хоровод, только вместо елки была я.

— Старородящая! — крикнул аниматор, из мешка которого я вытащила бумажки.

— Чтобы старородящей быть, надо родить или хотя бы забеременеть, а нам не до этого, мы от всех нос воротим, вот и наворотились, — присоединилась моя мама. — Все не как

у людей!

— Старая дева, — фыркнула блондинка которая встретила меня утром застав со своим мужем. — Своего мужа заведи, а не по чужим бегай.

— Идеалистка, — фыркнул Леша.

— А я ведь говорила, что ничего путного из тебя не вырастет, — эпично вклинилась Татьяна Владимировна, мой классный руководитель. — Мямля!

И хоровод этот из десятков рандомных людей когда либо мной встреченных все кружил и кружил вокруг меня с бешеной скоростью, выкрикивая оскорбления и смеясь, а я стояла и не моргала даже, мечтая провалиться сквозь землю и начинающая думать, что Леша не так уж и плох. Лучше такой, чем никакого.

Глава 8. Павел

Полина кидалась в меня чем под руку подвернется и пыталась лезть драться. Может, прав Серёга, может мне уже по статусу личная охрана положена? Хотя чего его слушать, Серёгу, если бы не его советы, ни жены, ни ситуации этой сейчас бы не было. Так себе из него советчик.

— Подлец! — кричала Полина. — Предатель!

И кинула в меня лампой. Промахнулась, конечно, лампа врезалась в стену и разбилась. А сама ведь эту лампу из Италии притащила. Ситуация мне надоела — все таки я голышом, а она стеклом кидается, заденет ещё нечто нежное и за сегодняшнюю ночь натруженное.

— Хорош! — гаркнул я тоном майора Клименко который меня в армии гонял чуть не двадцать лет назад.

В армию меня батя загнал словами — не служил, не мужик, но то не суть. На Полину майоровская строгость подействовала и она растеряно замерла на месте. Я вытурил ее в коридор и торопливо натянул на себя штаны. Прикрыв самое ценное вышел из комнаты и направился в сторону звуков страдания. Полина рыдала сидя на диване в гостиной. И не картинно рыдала, как обычно, а прям по настоящему, даже лицо покраснело и нос опух. Выглядеть даже стала вдруг, как человек, а не как кукла с витрины.

— Ты ее то не побила? — спросил я.

Потому что становилось очевидно — роковой незнакомки в квартире нет, вряд ли она спряталась в шкаф, успеть прихватить свои сапоги с пола.

— Кого ее? — завизжала Полина в ярости. — Твою тетеньку?

— Почему же тетеньку? — удивился я.

— Она старая! Ей лет тридцать пять, не меньше!

И зарыдала пуще прежнего, даже пузырь носом разок надула, отчего тронула моё сердце — все же год была моей питомицей.

— Эх, Полина, Полина, — вздохнул я и погладил её по волосам. — Когда нибудь ты поймёшь, что молодость совсем не вечна. И тебе стукнет тридцать, а потом тридцать пять, а вокруг будет столько молодых...они тоже, наивные, будут думать, что их то молодость вечная и на тебя будут смотреть, как на ископаемое...

— Это твоя тётенька ископаемое, — всхлипнула Полина. — Древнее.

— Ты ее побила или нет?

Обиженно стрельнула на меня карими глазами в обрамлении мокрых ресниц стрелками. Хороша, чертовка. Даже опухшая.

— Я не поняла сначала. Думала клининг, может. Но какой клининг в платье вечернем и без колготок? Пока я думала, она уже убежала, а тут трусы вон валяются!

Трусики Полина где-то подобрала и в меня теперь кину-

ла. Метила в лицо, чтобы задеть эго, может. Да чем его задевать то теперь, после всего, что мы с незнакомкой вытворяли? Труссы я поймал и засунул в карман.

— Ну вот и славно, — резюмировал я. — Ты на машине или тебе такси заказать!

— Извращенец! — снова вспылила Полина. — На меня у него не встает, видите ли! А на эту встает! А ей бы килограммов семь сбросить, а может и все десять!

— Не надо ей ничего сбрасывать, — пожал плечами я. — Мне и так все нравится.

Последняя фраза была тактической ошибкой, ее говорить не стоило. Полина снова рассвирепела и фурией на меня бросилась — я с трудом удерживал ее на расстоянии вытянутой руки.

— Не дам тебе развод! — яростно крикнула она. — Понял?

— В себя поверила? — удивился я. — Забыла, что брачный контракт подписывала? Будешь выебываться, с голой жопой уйдешь. Квартирку и машинку ты по доброте душевной получаешь.

Полина ослабила хватку и осела на ковер — дальше рыдать. Мне что, выставять силой ее? Я пошел умылся, выпил два стакана воды и одну чашку кофе с таблеткой от головной боли. Вернулся — уже не рыдает, а сопит обиженно через нос опухший.

— Я не хочу быть не замужем, — тихо сказала она. —

Мне замужем спокойнее. Вот постарею и потолстею и буду всегда одна-а-а...

— Не рыдать, — пресек я, вновь включая майора Клименко. — Ты же красивая, не забывай. Найдешь еще мужа, а может и двух. Иди я тебе такси заказал. И ключи верни. И на охрану я скажу, чтобы тебя не пропускали.

Ключи Полина обиженно бросила на ковёр и ушла, цокая каблуками — тоже обиженно. Дверью хлопнуть хотела, но та услужливо сбавила ее напор и закрылась мягко. Я же — упал спать. Постельное белье пахло сексом, алкоголем и немного самой незнакомкой — ароматы греха. Снились мне, почему то — серые коты. Толстые такие, закармливаемые. Они были везде, на всех поверхностях моей квартиры и смотрели на меня с такой укоризной, что мне прямо во сне стало невыносимо стыдно, с этим чувством я и проснулся.

— Приснится же, — хрипло пробормотал я.

Нашарил телефон, посмотрел, который час. Дело было уже к вечеру. Набрал Серёгу.

— Да, — сразу ответил он.

— Ты со службой безопасности Афанасьева перетри, — сказал я. — Мероприятие было закрытое, списки гостей у них есть.

— Кого искать?

— Даму. Лет знаешь, тридцать, тридцать пять. В платье таком была красивом, открытом. Черное вроде. В маске. Волосы русые.

— Да там таких человек тридцать было, — вздохнул Серега. — В открытых черных платьях и в масках. Иголку в стоге сена и то легче найти, все одинаковые.

— Нет, — мечтательно вздохнул я. — Эта особенная.

Жаль только, сбежала ничего кроме трусиков и порванных колготок не оставив. Трусики эти я достал — черные стринги. Не пошлые, из плотной ткани с вытесненным на ней узором, который разглядеть только на свету можно. Потом, понюхал зачем-то. Трусики тоже пахли алкоголем и грехом.

Глава 9. Вера

Похмелье было бесконечным, оно не имело ни конца, ни края, просто всеобъемлющая, болезненная пустота. Мое счастье, что Оля, моя коллега, улетала в отпуск и поменялась со мной сменами — я отдыхаю перед новым годом, зато выхожу на дежурство за нее третьего числа. На работе я бы просто умерла, с мои лицом только погибших оформлять, чтобы родственники понимали — я скорблю вместе с ними. Но работаю я в ЗАГСе, мне приходится регистрировать и новорождённых, и брачующихся — незачем пугать счастливых людей.

Я пила воду, иногда парацетамол и спала. Просыпалась сходить в туалет, насыпать Ваське корм, затем снова падала. Васька не протестовал — отсыпался рядом со мной, в доме наконец не было никого лишнего и он расслабился.

Воскресла я тридцать первого в полдень. Шатаюсь, но уже от голода, а не похмелья, я побрела в душ. Там полюбовалась на свое опухшее лицо, но зато почти идеально плоский живот.

— Иногда похмелье лучшее средство для похудения, — резюмировала я.

Телефон я взяла, когда пила чай, такой сладкий и горячий, что от него голова кружилась, и поела уже немного подсохший, но все еще вкусный пирог. От мамы было три-

надцать пропущенных. Пока я набиралась духом, чтобы ей перезвонить, она явилась сама.

— Живая, — выдала мама, входя в квартиру. — Я уже переживала, что ты с горя на себя руки наложила.

Мама была высокой, немного грузной женщиной за шестьдесят. Она была очень активной, во все вмешивалась, особенно любила лезть в воспитательные процессы внуков. Их у нее было четыре — три от старшего брата, и одна внучка от моей младшей сестры. Одна я не удалась и за воспроизводство семьи все не принималась, чем изрядно маму разочаровала.

— От какого горя? — испугалась я.

— Мужика упустила! В твоём ли возрасте носом воротить?

— Что не так в моем возрасте? Ты сама младшую родила, когда тебе под сорок было.

— Сравнила! Я замужем была и это был мой третий ребёнок! А ты вон до седых волос дожила, а ума никак не наживёшь. Чай матери налей, чего сидишь! Квартира не проветрена, сама исхудала вся, под глазами синяки, ты что, пить начала?

— Один раз только...

— Женский алкоголизм неизлечим! Стоит только начать!

От обилия восклицательных знаков в маминой речи у меня в голове загудело. Я послушно налила маме чай, покрепче, несмотря на то, что она то и дело на давление жалуется.

— Мама, это мое осознанное решение.

— Как же, осознанное! Не пьет, не бьет, работает, что тебе еще нужно?

Я вздохнула и допила свой разом ставший невкусным чай.

— Арифметика простая, мам. Я не была богатой никогда, да. Но год назад на счету у меня было пятьсот тысяч запаса. Хотя я не экономила. Встречалась с друзьями. Иногда куда-то ездила. Позволяла себе поесть в кафе. А сейчас знаешь сколько, мам? Сейчас у меня две тысячи. И как мне доживать до зарплаты?

— Вместе бы и придумали что-то! Упустила мужика! Он мне позвонил, я даже не поверила! И какие у тебя теперь перспективы?

— Перспектива ухаживать за чужим мужиком и его детьми еще хуже.

Мама посмотрела на меня с укоризной. Глаза у нас были совершенно одинаковые, и вот от своего взгляда с другого лица становилось как-то жутко, прямо не по себе.

— Своего рожать тебе уже поздно! Хоть чужих бы вырастила!

— Пей чай мам, — спокойно сказала я. — С пирогами. Я их согрела.

На пироги мама налегла. На те, что сладкие. Глаза у нас одинаковые, а вкусы всегда разнились.

— Все баба Галя виновата, — наконец сказала она, и даже без восклицательного знака. — Говорила я ей, не оставляй

ты ей квартиру, вон старшему внуку оставь. А она все — он себе уже купил, а мелкая ваша и сатане без мыла в жопу залезет, без своего не останется. А вот Верочка она добрая, чтобы никто не обидел пусть своя квартира будет.

— Спасибо бабушке.

— Спасибо, ага...если бы квартиры не было, сейчас, как миленькая бы любого мужика терпела, лишь бы не на улицу.

Меня даже перекреститься потянуло и одновременно сплунуть три раза, не забыв сказать не дай бог, по дереву постучать.

— Я уж как нибудь одна.

Перед уходом мама немножко подобрела.

— Там Коли жена, — по имени невестку мать называть не любила, — и Катенька всю к новому году готовятся. Хочешь к нам? Чего одна дома будешь сидеть.

Ага, чтобы мне толпой мозг промывали, а папа понимающе и печально смотрел, боясь выразить поддержку.

— Я отдохнуть хочу, спасибо.

Я закрыла за мамой дверь и задвинула задвижку. Замечание — я вообще ей почти не пользуюсь, а тут прямо наитие какое то. Время уже шло к вечеру. На улице бурно радовались, потом разошлись по домам и ресторанам — праздновать. Я полезла в холодильник. Купленная до событий говядина была цела, помыв и замариновав ее, я завернула ее в фольгу и отправила в духовку на несколько часов, до нежности. Осталось три мандаринки — лучше, чем ничего. Ба-

ночку с икрой открыли, толком не отъели, но нормально не прикрыли и теперь она заветрилась.

— Ничего мы не гордые, — проворчала я.

Аккуратно сняла подсохший слой, снизу икра была красивой и вкусной на вид. Хватило на пять бутербродов. Они, три мандаринки и томленая в духовке говядина. Гораздо лучше, чем ничего.

Васька валялся прямо поперек прихожей, раскинув лапы в разные стороны, выставив на обозрение миру пушистое мягкое брюшко — как в прежние, беззаботные времена.

— Ты счастлив? — с улыбкой спросила я.

А потом в замочной заворочался ключ. Васька привстал и в круглых жёлтых глазах заплескался ужас, а с ним и понижение. Мгновение — и счастливое недавно животное метнулось в спальню и забилося под кровать. Я, в отличие от него, растерянно замерла посреди прихожей. Из-за входной двери оказалось недовольное ворчание, чье-то хихиканье, затем в дверь позвонили, а затем уже и забарабанили недовольно.

— Вера! — требовательно кричал Алексей. — Вера, открывай, тут с замком что-то! Вера, мы знаем, что ты дома, видели тебя в окно! Вера, дети мокрые после горки и замёрзли! Мы торт принесли!

Я тихонько — хотя зачем прятаться, если меня в окно видели, прокралась к глазку и посмотрела в него. За дверью стояли полным составом — Марина Львовна, Лиза с Кости-ком, Леша, в руках которого дешёвый торт из супермаркета.

Никаких других угощений, сумок или пакетов достаточного размера, чтобы положить, допустим, контейнер с салатом замечено не было. Да и не в угощениях суть, просто они явно считали, что я всего наготовила.

— Вера, в новогоднюю ночь принято прощать, — добавила свекровь. — Дети голодные.

— Бабуль, у меня в сапогах снег, — недовольно сказала Лиза.

Судя по ее голосу она готовилась зарыдать.

— Не надо было кататься так долго.

— Сейчас откроет, — нетерпеливо сказал Лёша. — Может, не слышит. Вера!

И постучал в дверь уже сапогом — наверное и соседи услышали. И во мне зыграло вдруг. Я не готова была пускать их в свою жизнь обратно. Мне и себя жалко, и Васю.

— Проваливайте! — громко сказала я. — И торт свой сами ешьте!

А потом — включила музыку. Громко. Играли новогодние хиты из советских фильмов. Я назло всем накрутилась и надела платье, пусть никто и не видит. Платье было другое, но все равно заворочались вдруг в голове смутные воспоминания, я даже оглянулась — показалось, что раздеваюсь для кого-то другого.

К двенадцати у меня был накрыт немудрёный стол — точнее, журнальный столик. Пахло мясом. Васька снова вылез из под кровати. Я прокралась к глазку — за дверью никого.

Устали ждать, Лиза наверное плакать начала, а потом полезла в драку с братом. Ёлку я доставать не стала, намотала мишуры на фикус и туда же добавила гирлянды. А потом...я вспомнила, что покупала соску. Специально, чтобы повесить на ёлку — примета такая, чтобы родить в наступающем году.

— Да уж, — покачала головой я. — В наступающем году тебе тридцать восемь будет, дура. У тебя на карточке две тыщи. И мужика нет. Рожать она мечтает...

А соску на фикус все равно повесила.

Глава 10. Вера

До третьего числа я исправно сидела дома по понятной только мне, и очень грустной причине. Правда, второго мне позвонила подруга Юлька.

— Приезжай, посидим выпьем, — почти умоляюще сказала она в трубку. — Я тут с ума схожу.

Мы с Юлей были двумя подружками старыми девами, а потом она бросила меня, теперь вот замужем и дочке второй год пошёл. Я, когда у нас с Лёшей все закрутилось, даже мечтала, что успею родить и дети наши ровесниками будут. Но — не срослось.

— Не могу, — ответила я. — Я дверь караулю.

Юлька замолчала на несколько секунд, а потом на удивление верно все трактовала — не зря же мы с ней столько лет дружили.

— Выставила своего дармоеда, а он ключи не вернул и обратно рвется?

— Ага.

— Так замки поменяй и все. Придумала сложность.

— Праздники же. Все отмечают.

У Юльки на фоне заплакала дочка.

— Ладно...поменяешь приезжай, я тут с ума сойду, скоро не дочка научится на русском разговаривать, а я на ее языке калякать начну.

Причина была иной. Да, мастера и прочие слесари тоже отмечали новый год, но вполне соглашались приехать — я звонила узнавала. Только проблема была в том, что на моей карточке все ещё оставалось только две тысячи. И замок то дороже стоит, что уж там про вызов мастера говорить. И я сидела дома, охраняла, хотя в эти пару дней Леша попыток ворваться не делал. Позвонить чтобы занять у мамы или брата — да я скорее ботинок съем. Папа бы дал точно, у него и попросить не стыдно, но маме он врать не умел, она точно узнает.

Но третьего выйти из дома пришлось — работа. На несколько часов всего, как дежурный регистратор, но дом пришлось оставить без охраны. Мне уже гораздо стало легче, похмелье отпустило, новый год был трезвым и я вообще решила никогда больше не пить. Чувствовала я себя неплохо, только низ живота немного тянуло, хотя месячных я раньше середины месяца не ждала.

Доехала я без приключений — всего несколько остановок. Весь город нарядно припорошило снегом и кругом возились дворники, расчищая тропинки, на парковках снова мужики с лопатами — откапывали машины. На душе даже спокойнее стало — и чего боялась? Я шла к зданию родного ЗАГСа и размышляла признаться ли Юльке в том, что напившись провела ночь с чужим мужем, если сама пока об этом и думать боюсь? Или пусть остается тайной навеки... да, никому не скажу, никто и не узнает.

— Вера! — разнесся над заснеженным городом отчаянный крик.

Я замерла на ступенях ЗАГСа, хотя голос узнала. Бежать и пытаться спрятаться внутри было глупо — здание заперто. Нужно звонить в звонок и ждать, пока сторож откроет, Лешка все равно бы догнал.

— Чего тебе? — устало спросила я повернувшись.

Лешка запыхался — бегом бежал от парковки, а там тропинку ещё не почистили, поди снега в сапоги набилось, как у Лизы. Надеюсь, плакать не начнет.

— Поговорить.

— Говори, — милостиво разрешила я.

Тут — не так страшно. Тут я смелая. Утро, солнце уже встало, на остановке недалеко люди стоят, дворник, опять же. И дядя Фарид, наш сторож, наверняка сидит в своей служебке чай попивает на изображение камеры глядя.

— Я хочу попросить прощения, — сказал Лешка.

Я вздохнула — вроде и жалко его, но обратно в ту жизнь, просто не приведи боже.

— Прощаю, — сказала я, Лёшка обрадовался, но я осадил. — Но обратно не приму.

— Почему?

Его удивление было таким искренним.

— Я устала. От такой жизни. От наглости твоих детей. От того, что тебе все равно. От того, что годы идут, а ничего не меняется.

— Я поговорю с детьми. И возможно, в перспективе, не прямо сейчас, но я подумаю о рождении еще одного ребенка.

Я усмехнулась — мне же не двадцать, чтобы про перспективы слушать. Мне слушать уже некогда. Мне надо брать и делать ребёнка прямо здесь и сейчас. Но я понимаю — не хочу от Леши. Лучше одна всегда. Все изменилось.

— Прости, я лучше с Васькой поживу.

— Подожди, еще не все. В этом знаменательном месте...

— Ах да, вы же тут с Кирой женились и разводились, — вспомнила я. — К счастью, не в мои смены.

— Не перебивай! — рассердился мой бывший мужчина. — В этом столь символическом месте как это, место где судьбы обретают друг друга, Вера, я хочу предложить тебе стать моей женой.

Достал из кармана пуховика чёрную бархатную коробочку и упал на одно колено — я даже икнула от неожиданности. Попятилась назад, не глядя, рукой нащарила звонок и стала истерично на него нажимать без остановки.

— Леша...если бы год назад, когда я считала тебя куда лучше, чем ты есть, я согласилась бы. Сейчас поздно уже.

— Да почему? — не понимал он.

В прорехи туч выглянуло солнце — я смогла разглядеть кольцо, хотя это было непросто, настолько оно было тонким. Там даже камушек имелся, но такой микроскопический, что он даже не сверкнул на солнышке. Помню мой небогатый, всю жизнь отработавший на заводе папа, мне на шестнадца-

тилетие куда солиднее золотой ободок подарил.

— Я не хочу.

— Дура! — разозлился он, лицо его исказилось, неузнаваемо меняясь. — Дева старая! Останешься с котом!

— Мне хорошо с ним. Лучше, чем с тобой.

Замок щёлкнул и автоматическая дверь открылась — слава богу. К тому моменту на нас смотрел и дворник, задумчиво оперевшись о лопату, и люди с остановки, и пара голубей, склонив головы, и наверное дядя Фарид отставил остывающий чай в сторону. Я торопливо скользнула внутрь и потянула дверь на себя.

— Ты еще пожалеешь! — крикнул мне Лёша вслед!

Глава 11. Вера

Выходя с работы тем же днём после обеда я позвонила Кире — с этим преследованием меня нужно было что-то делать.

— Привет, — с удивлением отозвалась она в трубку.

Ее удивление было понятно, номера на экстренные детские случаи у нас имелись, но звонить друг другу мы не звонили.

— Алексей снова ко мне пришел, — сказала я. — Предложение мне делал.

— Ты полагаю, не согласилась? — со смешком отозвалась Кира.

— Нет.

— А я тут причем?

Я вздохнула — начинать было неудобно.

— Думаю, если бы ему не пришлось жить с мамой он ушел бы от меня более смиренно. Кира, я понимаю, что он поступил великодушно оставив вам квартиру, но ему самому жить негде, а там целая трешка!

— И что ты предлагаешь?

— Ты не захочешь продавать квартиру. Но может, поможешь ему с первоначалкой? Это будет справедливо, трешка которую он оставил, скорее всего, дорогая.

Теперь вздохнула Кира.

— Трёшка и правда дорогая, — согласилась она. — У меня тут спорткомплекс детский рядом и лицей. Район отличный. Распашонка. Кухня пятнадцать квадратов...

— Ты хвастаешься?

— Нет, я веду к тому, что таких денег у Алексея отродясь не водилось. Квартиру мне на свадьбу подарили по дарственной мои родные, скинувшись с бабушкой. Леша к ней никакого отношения не имеет, и никогда не имел. Разбирайтесь сами, пожалуйста, меня не вмешивайте.

И сбросила. Я стояла, словно оглушенная. Леша так гордо рассказывал, как он оставил семье квартиру! Я уши развесила и внимала, какой же он благородный! А теперь выходит у мужика к сорока годам ни кола, ни двора, ничего кроме развода и алиментов за плечами. Конечно он ко мне рваться будет, отвык поди с мамой жить.

Несколько дней было спокойно. Выходные закончились, и все вроде наладилось, почти. Леша больше не появлялся и я расслабилась. Единственное — у меня регулярно тянуло низ живота, я вяло думала о том, что у меня наверное киста, но к врачу не шла — зарплата ещё не пришла, от двух тысяч остались почти одни воспоминания.

В первый настоящий рабочий день я шла домой после восьми — наш ЗАГС был центральным, поэтому работали мы не по приятному графику с девяти до шести, а как придётся — посменно. Я купила Васке влажный корм, деньги закончились совсем, но грело то, что зарплата уже совсем

близко. Едва открыв дверь в подъезд я услышала шум и гам откуда-то сверху. Нисколько не напряглась — мало ли что происходит.

Но вся эта деятельность, в которой участвовало несколько моих соседей происходило возле моей двери.

— Ты почему трубку не берешь? — гаркнула на меня соседка снизу.

— Не слышала, — робко промямлила я, не понимая, что происходит.

— Открывай скорее!

Дрожащей рукой я отперла замок и распахнула дверь. В свете подъездной лампочки по полу коридора пробежала рябь и блики — он был покрыт водой.

— Господи, — выдохнула я.

— Поздно молиться, — сварливо бросила соседка входя в квартиру. — Воду перекрыли уже. Тряпки давай, ведра и тазики, будем спасать остатки моего ремонта.

Я отошла от ступора и бросила к шкафу. Вывалила все полотенце, выдала два тазика и ведро с балкона, в ход пошла и большая кастрюля, в которой я варила борщи. Несколько почти незнакомых человек молча работало, объединившись перед лицом общей беды. Шлёпали по мокрому полу, собирали воду тряпками, отжимали в емкости, выливали в ванную и унитаз.

Сначала я с отчаянием думала о том, что вода никогда не закончится, сколько не работай, у меня уже спину ломило, а

от отчаяния звенело в голове. Васьки ещё нигде не видно, но это понятно — Васька трус и в любой непонятной ситуации прячется.

Но прошло десять минут, затем двадцать — и вскоре пол влажно блестел, чуть хлюпая влагой оставшейся под ламинатом, но никаких луж больше не было. Пришел слесарь, вызванный соседкой. Топал в сапогах по мокрым, блестящим полам, оставляя тающие куски снега, но мне было уже все равно.

— Кран на кухне, — сказал он наконец. — Судя по всему у вас тут давно напрашивалось, зачем так запускать? Я сейчас сделал, чтобы воду дали, но вы купите нормальный смеситель и оставьте заявку, приду переделаю уже основательно.

— Спасибо, — глухо сказала я.

Я давно уже говорила Леше, что кран на кухне течет. Он обещал сделать. Завтра. И так бесконечное количество раз. Если честно, я чуда уже не ждала и собиралась все сделать вызвав мастера на час — но не успела.

Соседи разошлись, слесарь смотрел на меня выжидающе. Я прошла к гардеробной в прихожей, открыла. Там, на полках со всякой всячиной стояла коробка с запасными ключами, всякой ненужной мелочью, в ней же на всякий случай лежало несколько сотен наличными. Их я и протянула слесарю.

— Все дела нужно делать своевременно, — назидательно, но несколько подобрев, сказал он. — Я вам номер оставлю,

напрямую звоните, как кран купите.

Я закрыла за ним, наконец оставшись одна в квартире. Только сейчас поняла, что все еще в сапогах — некогда было снимать, надо было спасать и свою квартиру, и ремонт соседки. В сапогах было мокро и холодно, стянув и носки, и их, я полюбовалась на бледные, сморщившиеся в гармошку подушечки, пошевелила пальцами ног.

— Вась, — позвала я. — Выходи, все ушли. Я корм твой купила любимый, с лососем. Хоть кто-то порадуется.

Васька не появлялся — у бедного создания целый год жизни сплошной стресс. Я наконец переделалась в сухое, надела тапочки, так как пол все еще был отвратительно влажным. Открыла пачку корма. Этот пахнет с кусочками лосося и правда был его любимым, звук открытия Васька мог отличить от тысяч других звуков и сразу приходил на кухню урочно урчал, терся о ноги нетерпеливо, пока накладываю. Всегда, но не сейчас.

— Вась? — позвала я.

Я тогда еще не паниковала, но нервно побежала в комнату, заглянула под кровать. Затем под диваном. За шторами. В гардеробной. Под ванной. Васьки нигде не было.

Глава 12. Павел

Незнакомка не нашлась. Ее не было в списках приглашённых. Проверили всех с приглашениями плюс один — и не с ними явилась. Просмотрели камеры. Выяснилось, что она взяла и просто пришла. Пешочком пришла в масочке своей и просочилась через двойную охрану пристроившись в хвост какой-то компании.

— Такая простая! — восхитился Серега. — Взяла и просто пришла! Пришла, погуляла по залу, объелась морепродуктов, напилась, поблевала в мужском туалете и ушла.

— Я же говорю, особенная, — вздохнул я.

Камеры установленные в подъезде и на территории дома показали, что она просто ускакала куда-то вдаль в морозную даль пешком, без колготок и без трусов — и то, и другое осталось у меня. Если бы уехала на такси, можно было бы отследить маршрут машины, а так выходило, что загадочная стриптизёрша просто появилась, сделала все то, что перечислил Серега, потом не единожды совратила меня и исчезла. Точно — особенная.

Грустил я недолго и после нового года улетел куда южнее. Весь отпуск ворчал — не люблю жару, но тем не менее не улетал обратно. Валялся на пляже по вечерам, вздыхал глядя на закат и потягивал коктейли. Вдвоём было бы веселее, но не с Полиной, нет. Она весь отпуск бы фотографировалась и

снимала видео для своего блога, и меня бы ещё заставляла.

Вернулся в родные холода я загоревшим и отдохнувшим. Пару раз позвонила Полинка, напоминая, что меня ожидает одинокая старость и предлагая разделить ее со мной, но я воздержался.

Представил себя стареньким и одиноким, грустным, печальным старичком и озаботился — нужно было хобби. Охота точно нет, мне жалко зайцев, да и не ем я их. Сажать рассадку пока не тянуло, видимо рано, может выиграет позже. И тогда я вспомнил про рыбалку. Рыбачить где ни попадя мне было лень, значит стоило подумать о покупке дачи. Подключился Серега.

— У меня коллега такую дачу продает, — причмокнул он губами в трубку. — Там Монастырская речка в озеро впадает. Прямо на берегу! Можно из бани выходить и прямо в озеро нырять.

— Холодно, — поежился я.

— Точно, стареешь. Говорил, жену надо молодую...но дачка прелесть. Ты съезди, посмотри, а там и сделку оформим. Такие там шуки! А сазаны, ум отъешь...

И в ближайший свободный день я поехал смотреть дачу. Монастырская речка была узкой и быстрой, почти никогда не промерзала зимой, и черной стрелой пересекала заснеженные пустоши. Поселок был небольшой, но активно застраивался. Строящиеся дома были в стороне от нужного мне, стало быть шумом мешать не будут. Дом был обычным,

рубленным, но высоким и добротным. Баня. Внизу за баней и правда озеро, окружённое деревьями. Сейчас озеро казалось просто большой снежной поляной, размытое лишь там, где в него врезалась речка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.